

Елена Скачко

**Аня, Ваня
и Калиновка**

Разве есть большее счастье для женщины, чем голубоглазый малыш, зародившийся в твоём теле от неземной, нереальной, божественной любви? Но малышу так и не суждено родиться, потому что в жизнь вмешиваются обстоятельства, которых совсем не ждёшь...

«Аня, Ваня и Калиновка» — пронзительная и душевная история о том, что первая любовь очень часто определяет всю твою последующую жизнь. Особенно если твоя молодость выпала на переломные 90-е, когда нужно было просто выстоять и научиться держать удар...

Проза Елены Скачко, главного редактора известного женского журнала «Единственная» и автора популярного блога в ФБ, настолько проста и реалистична, что многие узнают в её героях себя и своих близких...

Елена Скачко

Аня, Ваня и Калиновка

Куда ни глянь — везде Калиновка! Аня не поленилась, полезла в папин атлас автомобильных дорог, хотела найти ту самую Калиновку, а их вон сколько оказалось — только в Украине не меньше полусотни. В каждой области, в каждом районе, где-то и двум место нашлось... Но Аню интересовала одна-единственная. Та, в которой родился, жил, гулял, ел, спал, рисовал, читал, смотрел телевизор и мечтал ее Ваня.

Аня в свои почти 20 в настоящей деревне никогда не была. Только в дачном кооперативе. Да не простом, а профессорском, вылизанном и рафинированном. С ровными, под линейку, полосками дорожек, квадратиками дворов, шеренгами одинаковых заборов. Где говорили без речевых ошибок, сажали розы и клубнику, не привечали вонючих дворняг и ободранных кошек — только расчесанные пудельки, болонки, невозмутимые персы и русские голубые в противоблошных ошейниках были частью интерьеров уютных жилищ. Поздней осенью, после обязательной антиглистной терапии, меньшие братья перекочевывали в просторные городские квартиры на пуховые подушки. А самой большой

хозяйской радостью было то, что очередной дачный сезон обошелся без приплода. А откуда ему быть, приплоду, если вокруг только стриженные по всем правилам, стерилизованные, сородичи?

По субботним вечерам кандидаты, доценты и профессора ходили друг к другу на чай с вареньем и оладьями, за которым обсуждали научные новости. Кандидатские, доцентские и профессорские жены встречались и в будни: делились рецептами джемов, хвастались детьми и внуками, вполголоса обсуждали пикантности личной жизни отдельных дачников. Подравшихся детей воспитывали всем миром, а бегать, орать и нарушать интеллигентское спокойствие после восьми вечера считалось верхом неприличия.

Дачный кооператив не примыкал ни к одному населенному пункту, от всего остального мира был заботливо огорожен рабицей и шлагбаумом, так что проникнуть в него могли только самые настырные местные, которым было не лень протопать пару километров с молоком и творогом в холщовых застиранных сумках. Впрочем, творог упаковывали в аптечную марлю, а молоко и сметану — исключительно в пропаренные в духовке банки. Иначе, разве ж угодишь этим ученым чистоплюям? Платили «чистоплюи» охотно, поэтому стихийные продавцы надолго не задерживались, немного стеснялись чопорных покупателей, ни с кем особо

не общались, и понять что-либо о них было невозможно. Впрочем, не сильно это интересовало Аню и ее подруг в то легкое спокойное время. Девчонки больше думали о том, как бы смыться на речку, где рыбачили профессорские сынки и внуки, от вечных родительских требований дополнительно позаниматься английским или химией...

Да и не очень вкусно было запихивать в себя плотный домашний творог, запивая приторным теплым молоком под родительский аккомпанемент о чудотворной пользе натурпродукта. Батон с докторской и стаканом «Тархуна» были куда привлекательнее!

А потом начались волнующие хлопоты взросления — экзамены, выпускной, репетиторы, поступление, первые студенческие будни. Дачный досуг уже в планы не входил. Поэтому много лет спустя Аня очень удивилась, узнав, что родной дачный кооператив уютно устроился всего в каких-то двух километрах от той самой Калиновки, и что, как минимум, двадцать золотых месяцев в жизни они с Ванечкой провели под одним лоскутком бирюзового неба, по разные стороны общей липовой посадки, на берегу одной полузаросшей камышом реке...

Ка-ли-нов-ка... Как же волновало Аню это поэтичное название! Это вам не какие-то Шнурки

или Покатиловка, о которых она тоже узнала из автомобильного атласа. Ее Ванечка мог родиться только в Ка-ли-нов-ке. Аня мысленно растягивала это магическое слово, пробовала его на вкус, напевала на разные милые мотивчики. Почему-то Ванечкин дом виделся ей на горе, в объятиях роскошного абрикосового сада, с резными ставнями, в рамке ярко-голубого штакетника, с буйно цветущим палисадником под игрушечными ставнями... С нарядного крылечка видно все село в белоснежной дымке цветущих фруктовых садов, вековой сосновый лес, напрягающий своей стройностью и строгостью, а если встать на цыпочки можно дотянуться до пушистого облака...

Аня мысленно рисовала волшебную картинку, увиденную то ли в книжке, то ли в кино, а, может, родившуюся в ее светлых фантазиях, и все время дополняла ее сказочными деталями. Вот идет белая корова в рыжих пятнах, смотрит на мир удивленными глазами, непременно с колокольчиком на шее... А вот скворечник на березе за двором... А возле бревенчатого колодца необъятный калиновый куст, густо усеянный сочными терпкими ягодами такого фантастического оттенка, что ему просто названия нет! Какая может быть Калиновка без калины? Аня так образно представляла себе этот ослепительный цвет, что начинали слезиться глаза! То, что весна и осень

заблудились и перемешались в этих дивных фантазиях, было совсем не важно... Красота допускает условности и сглаживает шероховатости.

* * *

Впервые Аня увидела Ваню на выходе из университетского кафе на втором этаже. Она почти всегда бывала здесь одна, потому что сокурсницы тянули здешние цены только после стипендии или поездки домой, а остальное время проводили в столовой в подвальчике или в кафетерии в парке. Аня же любила тонкие блинчики с мясом и золотистые зразы с капустой, сырники с распаренным изюмом и взбитые сливки, посыпанные шоколадной крошкой, — редкую изысканность по тем непышным временам.

Юноша ошеломляющей внешности (и кто сказал, то девушки не это ценят в мужчинах?) отстраненно жевал какой-то пирожок, — они здесь тоже были знатными. Рассеянный взгляд гулял выше Аниной головы, невероятные синие глаза выражали, скорее, скуку, густые темно-пепельные волосы хранили вчерашний беспорядок. Некоторое время спустя, когда Анины смуглые пальцы попробуют навести хотя бы подобие порядка в этом пепельном безобразии, станет ясно, как это бессмысленно, потому что живет эта роскошь своей

собственной жизнью, и любая щетка тут заблудится...

«Вот это да, — с улыбкой подумала Аня, — какой же красоткой надо быть рядом с этим Аполлоном, чтобы каждая встречная-поперечная даже в мыслях не обозвала тебя серой мышью?» Никакого интереса, кроме эстетического, не испытала она, ведь чрезмерной уверенностью в себе никогда не маялась, от скромности, впрочем, тоже не страдала, но Аполлона квалифицировала как «не по Сеньке шапка», и потому ни искра надежды, ни уголек амбиций не блеснули в ее ничем не озабоченной легкой душе. Через пару дней Аня столкнулась с ним в парке возле памятника, и снова полюбовалась как эксклюзивным музейным экспонатом. Прекрасный образец для генофонда! Заметила, что парень опять в клетчатой рубашке и жует какой-то бесконечный пирожок. Тот же рассеянный взгляд поверх всех сочеловеков среднестатистического роста, такое же милое безобразие на голове.

А после выходных кто-то нежно тронул ее рукав на выходе из метро:

— Слушай, это ты меня преследуешь или я тебя?

— Не знаю, — от неожиданности Аня растерялась.

— Ну, тогда мы, наверное, преследуем друг

друга, — голос у него оказался бархатным, но властным. — Давай знакомиться что ли... — и, свернувшись чуть ли не пополам, прищурившись, разглядел ее лицо, чем смутил Аню уже окончательно, и, посплюняв палец, бережно потер им ее подбородок.

— Ты как первоклассница ручкой порисовалась, — сказал нежно, и этот интимный жест в союзе с голосом сорвали в Аниной беззаботной душе последний оборонительный шлюз, в одночасье, выпустив на волю целую лавину разных, необъяснимых, волнующих и пугающих эмоций...

Не то, чтобы Аня была совсем наивной и неискушенной. С одноклассником Максом целовались до одури, и Аня уже позволяла горячим Максовым рукам гулять в самых недоступных глубинках ее тела. Но до главного пока не дошло. Что-то мешало. Да еще мама все время вещала о самых неприятных последствиях, которые подстерегают легкомысленных девушек. Историй-иллюстраций на подобную тему у нее было заготовлено вагон и десять больших тележек. Правда, Ирине Григорьевне Макс нравился — отлично воспитан, превосходно сложен, наследник достойной семьи. Но есть чугунный женский принцип — всему свое время. А свое время — это

после загса. А сначала молодой организм нужно измочалить так, чтобы в загс бежал со скоростью калифорнийского тайфуна (почему калифорнийского — сама не знала, в газете как-то прочитала). А потом всю жизнь гордился своим правом первооткрывателя. К тому же, это превосходный аргумент для семейного шантажа — я тебе все отдала, а ты...

О, сколько раз его применяла Ирина Григорьевна, хотя Ане было смешно: уж кто-кто, а отец точно отдал им — маме и Ане — все, что имел, что заработал, чем жил, чем дышал, без остатка. Но драматическое «я тебе все, а ты...» для мамы было захватывающей игрой, а отца озадачивало, ломало, будило нестерпимое чувство вины, заставляло действовать с удесятеренной скоростью. Аня тогда веселилась, восхищаясь маминым артистизмом. И только спустя много лет она свяжет его ранних уход с совсем небезобидным кокетством любимой обиженной жены на тему «я тебе отдала все...», которое сжигало и изнашивало его...

Вряд ли мама упала бы в обморок, узнав, что Аня сдалась с боями, но это не волновало ее непутевую дочь. То ли Макс был недостаточно настойчив, то ли Анино любопытство еще не достигло той самой спелости, когда фрукт просто падает на землю... В общем, не пришло еще их

время, как стало понятно потом.

Через несколько дней, когда улеглись первые тревожные чувства и неловкость, от которой пальцы становятся деревянными, а слова корявыми, Аня испытала даже легкое разочарование. Оказалось, что зовут красавца Иван, а не Ярослав или хотя бы Игорь — почему-то только княжеские имена лезли в голову. Он вовсе не студент их блестящего вуза с уникальной историей, с яркими традициями, с необъятными перспективами, со знаменитым ансамблем скрипачей и лучшей студенческой сборной по баскетболу, с капустниками, из которых рождаются команды КВН, и преподавателями, труды которых цитируют во всех научных кругах мира. Аня всегда мечтала учиться здесь, с того самого случая в хрупкой подростковой поре, когда прогуливаясь с мамой, приблизилась к этому чуду монументальной архитектуры, к магическому храму, из которого вытекала толпа особенных людей с осмысленными лицами...

Ваня учился на агронома. В Сельскохозяйственном. В те годы Аня еще не знала слова снобизм, оно не было таким раскрученным, да если бы и знала, все равно не смогла бы его употребить. Она просто не знала агрономов. И

вообще людей из села.

Ирина Григорьевна мечтала выдать Аню замуж за военного или дипломата. Или за Макса, на худой конец, который заканчивал Политех. И хотя другие варианты не обсуждались, Аня была уверена, что именно этот маме не понравится — не для ветеринара или зоотехника растила она единственную дочь. Не для того хлопала ее по спине (не сутулься!), водила на танцы, чтобы привить легкость балетной походки; приучала к морковному соку по утрам и кефиру на ночь — для хорошего пищеварения и цвета лица... Всё это — сомнительные ценности для Богом забытой Калиновки, где родится парочка агрономовских наследников, где любая, даже самая утонченная и несклонная к полноте принцесса, расплзется как доярка баба Тося, с которой Ирину Григорьевну угораздило когда-то лежать в роддоме... Но все это Аня слышала потом, а пока было весело и тревожно...

Лет двадцать спустя, когда история с Ванечкой будет переосмыслена, и обретет популярность слово снобизм, Аня все-равно не осудит маму. Более того, своей единственной дочке Сонечке она тоже сто раз скажет о том, как важно выйти замуж за настоящего мужчину, который обеспечит ее зернышку, ее ягодке, ее капельке достойную, беззаботную и вкусную жизнь...

Разве мама может посоветовать плохое?

* * *

Но какое все это имело значение тогда, в ту прекрасную и затяжную, как парашютный прыжок, осень? Когда оказалось, что Ваня и Аня одинаково думают, говорят, скучают, продолжают мысли друг друга, громко смеются над одними и теми же глупостями...

А еще было здорово есть из одной тарелки и пить из одного стаканчика, курить одну сигарету на двоих и спать на одной подушке... Да-да-да, все случилось на пятый день их сумасхождения, на узкой кровати общаги, когда все перепуталось, переплелось и завертелось со скоростью калифорнийского тайфуна, мамины истории не маячили даже на горизонте памяти, а Ванины понятливые однокашники разбрелись кто куда...

— Ванька, а что ты у нас в универе делал? — наконец-то спросила Аня.

— Тебя искал...

— А еще что делал? — смеялась Аня.

— Ел. Столовки у вас классные. У нас одни макароны, на первое, второе и десерт. Я их уже пять километров намотал, на шестой повернуло. А тут зашел как-то к другу, он у вас на мехмате учится, глянул — ну, жрут университетские!

— Так переводись к нам, — хохотала Аня, — ради столовой, это же какой аргумент!

— Да куда мне к вам из нашего колхоза? — бархатный голос сбивал ее с толку, не понятно, шутит он или нет... — Я и к тебе пристал, чтобы повод был в вашу столовку сходить...

Вот в такой абсолютной чуши протекали их беззаботные дни, в такой веселой бессмысленности рождались грандиозные планы, где только вместе, всегда-всегда, а лучше вообще друг в друге, как это случалось в нечастые вечера, когда Ванькиным верным друзьям было куда податься...

На ночь Аня не оставалась, это не вписывалось в кодекс приличной дочери. Домой приходила поздно, похудевшая, от счастливой усталости валилась с ног, засыпала почти на ходу, допивала остывший чай без ничего, мечтая о завтрашнем коротком свидании в парке. Они быстро обнимутся, Ванька незаметно пробежится пальцами по ее отзывчивой груди, потом выкурят одну сигарету на двоих, посмеются над какой-то очередной глупостью, и он непременно скажет:

— Анька, какая ты красивая, на тебя же все смотрят и, наверное, думают, что она нашла в этом крокодиле?

Мамина уверенность в том, что у дочери проснулся сверх энтузиазм к наукам, сдулась, когда Аня завалила сессию. Завалила, конечно, по меркам профессорской семьи, потому что хвостов не было, но Аня впервые осталась без стипендии. Ирина Григорьевна быстро прощелкала Анин режим последних месяцев, сопоставила с количеством Максовых звонков с недоуменным «а когда она вообще бывает?», вспомнила четко обозначившиеся дочкины ключицы и заострившиеся скулы (минус 5 кг минимум) и совершенно неприличный, чертовский, блеск в карих глазищах...

— Отец, — обратилась к мужу. — Приехали. Кажется, Анька влипла...

— Ну почему сразу влипла, Ириша? — вяло отбивался профессор. — Возраст у нее такой, впечатлений масса...

— Влипла, — постановила Ирина Григорьевна. — Иначе не скрывала бы...

* * *

Аня не заметила даже прихода весны, потому что продолжала жить в неведении и полной отрешенности по причине совершенно неземной, воздушной, заоблачной страсти, которую нереально измерить ничем, кроме внутреннего градуса

кипения. О которой невозможно рассказать тем, кто никогда не горел в этом ласковом солнечном пламени. Которую даже признанные классики лирического жанра не описали во всей своей многогранности...

Матери до сих пор ничего не сказала не потому, что сомневалась, а потому, что не знала, как об этом говорить. Так, чтобы случайным неуклюжим словом не стереть потрясающей силы аккорд чувств... Не смазать радужную дорожку их необычного будущего. Не рассеять хрупкую, но настойчивую мечту. Не разрушить грандиозные планы двух тел, которые по-настоящему жили только тогда, когда сливались в одну неуправляемую стихию... Не опозлать, не оболгать, не осквернить тот странный вечер, когда впервые пришло ощущение неменяемого счастья на сероватой подушке возле плохо пробеленной стены...

— Вань, я хочу в Калиновку... — попросила как-то на подушке с нарядной наволочкой, которую купила в ЦУМе и притащила сюда, к Ваньке. Так она уже украшала их мир.

— Хорошо, Ань..., — погладил розовые цветочки. — Только...только это не совсем так, как ты это себе представляешь...

— Я хочу знать о тебе все. И это все — мое...

— Я люблю...

— Я люблю...

Интересно, хоть одна наволочка в мире слышала больше слов незатейливой и светлой любви, чем этот штапельный кусок ткани с неопознанными цветочками — азалией, что ли?

* * *

Ирина Григорьевна дежурила под университетом уже неделю. Ради праведного дела взяла отпуск за свой счет — по личным обстоятельствам. Мужу-профессору, на кафедре которого ассистировала много лет, сказала, что нужно походить к женскому врачу. Он поверил. Он вообще всегда и всему верил, что звучало из уст безгранично любимой, отдавшей ему самое дорогое, подарившей ему право первооткрывателя, не стареющей и неугомонной Ириши... Только вот с тем, что Анютка влипла, не соглашался категорически. Куда могла влипнуть его тоненькая смугляночка, единственная и неповторимая умница и красавица, за которую не только жизнь, но и всю науку с потрохами отдать не жалко?

Влюбилась? Слава Богу! Какая разница, в кого, если счастливо дитя, если добрый свет в любимых карих глазах, если тепло ей и трепетно...

Нежностью сводило профессорское сердце,

когда он вспоминал милые ямочки на смуглых щеках, тонкие, игривые, родные пальчики с розовыми ноготками, которые перецеловывал в детстве... Знал бы, что Ириша задумала, так, может быть, впервые в жизни стукнул бы кулаком по столу, чтобы не мутила дочкины светлые помыслы...

Ирина Григорьевна была терпелива и последовательна. Совсем не просто остаться незамеченной и выследить нужный объект в таком людном и лобном месте, как вход в университет. Особенно, когда ты в красном пальто. Или белоснежной куртке. Других у Ирины Григорьевны отродясь не водилось. Черные и коричневые плащики она считала робой для никчемностей и прикрытием ординарности, и дочку к тому же с детства приучила. Как бы ни было трудно выстаивать очереди в московских гумах-цумах, как ни обидно переплачивать местным фарцовщикам, но всегда ее девочка носила красные и белые куртки, бирюзовые и сиреневые пальто, розовые и кремовые кофточки. Исключением была разве что школьная форма — против системы не попрешь, но за то какие воротнички-шедевры были на ней нашиты!

Ирине Григорьевне не везло — это была не

самая счастливая Анина неделя. Ваня в две смены пропадал в институте, где после пар подрабатывал сторожем и вахтером: друг попросил подменить. Виделись редко. Аня к нему забежала, но мельком, и зоркая мама как-то теряла ее из виду.

Просветлело в пятницу.

— Мам, меня пригласили на День рождения. Сокурсница за городом живет, у себя собирает, — голос Ани был ровным, еще бы столько лет наблюдать уроки маминого актерского мастерства! — Я поеду, а?

После небольшого спора насчет рано-поздно, можно-нельзя, прилично — не очень, Ирина Григорьевна сдалась. В конце концов, дочке уже 20, сама она в эти годы уже замужем была. К тому же, прекрасный повод докопаться до сути. В том, что первооткрыватель уже существует, она не сомневалась. Теперь важно оценить его качество и перспективы. Выспросив куда, с какого вокзала, в каком направлении и прочее, Ирина Григорьевна за несколько часов организовала на платформе наблюдательный пункт.

Аня и Ваня появились за две минуты до отправления электрички. Запыхавшаяся Ирина Григорьевна просто не успела упасть им в ноги, чтобы предотвратить это варварское покушение на придуманный ею светский рай для наследной принцессы.

— Колхоз «Заря», — прошептала в отчаянии, когда дверцы электрички захлопнулись перед носом, оградив романтически настроенную парочку от проявлений классического реализма.

— Красив как Бог, — говорила она вечером мужу. — Но колхоз, понимаешь?

— Не понимаю, — настаивал профессор. — Красивый, влюбленный, заботливый, — какая разница, откуда он родом?

Впервые за 30 безоблачных лет они рьяно спорили всю ночь. Впервые Ирина Григорьевна подумала о том, что далеко не все понимает в своем ручном профессоре. Впервые профессор удивился тому, что не все прозрачно в душе его прекрасной и верной Ирочки. Впервые... Дальновиднее, как всегда, оказалась жена. Профессор отправился спать с уверенностью, что она смирилась, и не будет портить праздник единственному ребенку. Любимые ухоженные руки нежно гладили его по седой голове.

Ирина Григорьевна тоже успокоилась, потому что твердо решила — это их женские разборки, и нечего пускать в огород... профессора.

* * *

Ка-ли-нов-ка... Любовь стирает любую

погрешность, даже ту, что внесла неразбериху в волшебный мир без единого изъяна, серой краской перепачкала солнечный пейзаж, грубо обнесла роскошный калиновый куст ослепительного цвета...

Калиновка не оправдала Аниных надежд. Больше не хотелось напевать это простенькое слово на разные милые мотивчики. Ничего магического в нем уже не было. Ничего особенного, впрочем, тоже не случилось.

Аня приехала в Калиновку. Обычное, не самое задрипанное село конца восьмидесятых. Просто Аня никогда не была в деревне. А ведь раньше, когда электричка остановилась на родной платформе их дачного кооператива, даже разволновалась не на шутку, задрожала от радостного предчувствия, увидела знак в узнавании... Господи, да откуда ей было знать, что два километра, разделяющие профессорский дачный кооператив и Калиновку — это расстояние, как от Земли до Марса? Вроде каждое пятнышко рассмотреть можно, а рукой не достанешь и на самолете не слетаешь... И ничего не способно породнить их — ни общий берег поросшей камышом речки, ни один на двоих лоскуток бирюзового неба, ни липовая посадка, по разные стороны которой протекала когда-то их летняя